

Анлун метался из стороны в сторону, охваченный пламенем. Изначально он пребывал в прекрасном расположении духа, обсуждая с Сун Цинши вопросы инвестиций, и намеренно вредничал, надеясь выторговать для себя побольше бонусов. Кто же знал, что Сун Цинши в одно мгновение переменится в лице: инвестиции отменены, исследования заброшены, а сам он едва не был забит до смерти. С трудом выяснив причину, Анлун остолбенел и принялся отчаянно молить о пощаде.

— Я же не знал, что он и впрямь человек из хрусталя! Даже мой иллюзорный червь не выдержал!

— Разве я тебя не предупреждал?!

— Я просто пошутил!

— Двенадцатый пункт! Запрещено шутить над ним! Забыл?!

— Мы же партнеры! Я сейчас же отправлю тебе сообщение и пришлю духовные камни!

— Сотрудничество расторгнуто! Камни мне не нужны!

— ...

Опаленный Анлун, пребывая в самом жалком состоянии, дал кучу унижительных обещаний. Сун Цинши наконец выпустил пар и с неохотой отпустил его, приказав предоставить подробные данные об иллюзорном черве, чтобы разобраться, что именно произошло.

— Клянусь богом-предком, этот червь лишь пробуждает желания, но никогда не насыщает кошмаров! Иначе как бы я посмел дать его тебе? — Анлун, обиженно сидя на ступенях и обрабатывая ожоги лечебной мазью и другими насекомыми, пробормотал: — Я столько лет играю с гу, но никогда не видел, чтобы иллюзорный червь доводил человека до такого состояния. Твой старший ученик — первый случай за всю историю мироздания. Мне самому интересно, почему. С виду вроде нормальный человек, а болен так тяжело... псс...

Сун Цинши тоже присел на ступени. Услышав, что тот снова уходит от темы, он тут же прервал его:

— Ближе к делу!

Анлун скривил губы и продолжил:

— Узнать, что он видел в иллюзии, несложно. В теле червя должны были остаться фрагменты видений. Немного, только самые яркие эмоциональные всплески. Можешь поместить червя в свое тело и увидеть все напрямую.

Это был скрытый функционал иллюзорного червя. Изначально он планировал подсадить червя, извлеченного из Юэ Ухуаня, в тело Сун Цинши, чтобы этот парень, у которого в голове только лечение, наконец понял, что из себя представляет его старший ученик, и заодно просветился в делах сердечных. Но теперь он не смел так поступить: он боялся не того, что Сун Цинши

заставит его стоять на коленях на стиральной доске, а того, что его навсегда внесут в черный список Долины Царя Лекарств.

Анлун отчаянно пытался вычеркнуть себя из этого списка...

Сун Цинши был заинтригован предложением. Подумав, он покачал головой:

— В иллюзиях много секретов Юэ Ухуаня, нужно его согласие. Подожду, пока он проснется, и спрошу...

Анлун недоумевал:

— Ты же хочешь как лучше, просто посмотри, зачем столько думать?

Сун Цинши с достоинством парировал:

— А если я захочу сделать тебе лучше, могу я без спроса копаться в твоих секретах?

Тело Анлуна на мгновение напряглось, он помрачнел и замолчал. Дискуссия зашла в тупик.

Сун Цинши раз за разом сканировал духовным чутьем жизненные показатели Юэ Ухуаня в комнате. Голова шла кругом от попыток придумать план лечения. В отчаянии он вдруг подумал: может, ему не хватает способности сопереживать? Человек, который за две жизни даже не знал плотских утех, как он может понять то отвращение, которое испытываешь, когда мужчина принуждает тебя к подобному? А не понимая этого, как найти источник болезни?

Шэнь-нун пробовал сотни трав и перенес тысячи ядов, только так он постиг суть лекарств. Может, ему стоит последовать этому примеру?

— Наверное, это очень больно? — Сун Цинши тихо коснулся себя сзади и пробормотал это вслух. Его знания об этом ограничивались учебниками, но там описывались лишь отношения между мужчиной и женщиной. Как все происходит между мужчинами, в программу обучения отличника Суна не входило, но ему казалось, что разрывы должны причинять сильную боль.

Анлун, услышав его слова, наострил уши:

— Что очень больно?

Хотя Король Гу из Силяня специализировался на убийствах, в лечении он тоже был мастером, иначе не попал бы в Долину Царя Лекарств. Сун Цинши решил, что с ним можно провести научный обмен:

— Ты разбираешься в делах постельных между мужчинами?

Анлун изо всех сил сдерживал рвущуюся наружу ухмылку и серьезно ответил:

— Кое-что знаю.

Сун Цинши подозрительно посмотрел на этого аляскинского маламута. Анлун выглядел воплощением чести и достоинства, будто заключенный, который прошел путь исправления и готов хоть сейчас читать лекции о морали. Похоже, он действительно раскаялся.

Сун Цинши и Анлун обсудили вопросы анатомии, физиологии и медицины, вплоть до проктологии и лечения разрывов. Завязался жаркий научный спор. Хотя ни у одного из них не было опыта с мужчинами, Сун Цинши опирался на реальные случаи из практики, его аргументы были логичны и обоснованы. Анлун же не мог доказать свою теорию и начал отступать.

Анлун предпринял последнюю попытку сопротивления:

— В мире бессмертных много любящих пар среди мужчин, например, Достопочтенный Ваньюэ и Достопочтенный Улин. Они неразлучны и преданы друг другу. Если бы это было так мучительно, разве согласился бы на это Достопочтенный Ваньюэ?

Сун Цинши парировал:

— Потому что Достопочтенный Ваньюэ любит Достопочтенного Улина и не хочет причинять ему боль.

Анлун беспомощно спросил:

— Почему ты так думаешь?

— Я просто так думаю, — серьезно ответил Сун Цинши. — Подумаешь, разрыв, это же терпимо. Настоящий мужчина ради любимого должен быть стойким, нельзя же позволить партнеру испытывать боль.

Анлун едва сдержал хохот, его лицо почти потеряло маску серьезности, грозя превратиться в волчью морду. Маленький Цинши такой милый! Жаль только, что два вида духовного пламени в его теле — штука капризная: Красный Лотос требует управления духовной силой, а Пламя Преисподней — ее подавления. Если запечатать его силу, Пламя Преисподней вырвется наружу и сожжет все вокруг. Если не запечатывать — оба огня вырвутся вместе, и противостоять им почти невозможно. Все артефакты контроля на него не действуют. В бою остается только убить, пленить или запугать его невозможно...

Как жаль! Иначе он давно бы утащил это сокровище в Секту Десяти Тысяч Гу и прятал бы там, потихоньку приручая.

Анлун подавил смех и серьезно произнес:

— Дальше спорить нет смысла, такие вещи можно понять только на практике.

Сун Цинши счел это разумным.

— Только не на меня, — Анлун продемонстрировал свое мощное тело и жуткие татуировки. — Тот, кто посмел бы применить ко мне силу, еще не родился. Даже если я хочу помочь другу, у меня нет такой возможности.

Сун Цинши подумал, что это тоже логично. С такой внешностью и характером никто не осмелился бы даже подойти к нему, не говоря уже о подобном.

Анлун искренне предложил:

— Может, попробуешь сам?

Сун Цинши заколебался.

— Я не советую искать кого попало, — Анлун сделал вид, что дает ценный совет. — Если все так больно, как ты полагаешь, после травмы твое пламя может выйти из-под контроля, а это опасно. Лучше найти кого-то сильного, кто хорошо знает твой характер.

Сун Цинши возразил:

— Я уверен в своем контроле над Пламенем Преисподней. Пока есть духовная сила, я смогу подавить его даже в обмороке.

Анлун, мысленно виляя невидимым хвостом, с серьезным видом сказал:

— Владыка Долины Царя Лекарств знаменит, кто посмеет тебя коснуться? Есть ли у тебя в мире бессмертных друзья, способные на такое? Может, я пожертвую собой и помогу тебе с медицинской точки зрения понять, что это за ощущения?

Хотя его настрой казался странным, анализ и теория были верны. Сун Цинши размышлял целую четверть часа, но в итоге отказался:

— Нет.

Он был студентом-медиком и не считал подобные вещи постыдными — это одна из трех инстинктивных потребностей человека, основа продолжения рода. Он не видел ничего постыдного и в однополых отношениях, ведь в природе это встречается почти у всех животных, даже у его подопытных мышей. Поэтому он мог рассуждать об этом спокойно, как о лечении венерических болезней или гинекологии. А то, что он не влюблялся, объяснялось лишь погруженностью в науку, а не целомудрием.

Причина отказа была проста: Анлун — натурал, незачем заставлять мужчину, любящего женщин, спать с женщиной. К тому же его строго воспитали: мужчина должен отвечать за свои поступки, будь то парень или девушка, и стремиться к браку.

А он совершенно не хотел нести ответственность за этого маламута!

Пусть лучше останутся друзьями. А если поселить его дома, Долину Царя Лекарств разнесут по кирпичику!

Анлун, видя его колебания, решил, что шанс есть, и попытался убедить его, намекая на свои достоинства. Он стал излишне суетливым и невольно выдал себя, блеснув азартным волчьим взглядом.

Сун Цинши заподозрил неладное:

— Ты опять меня разыгрываешь?

Количество проделок этого маламута было не счесть, доверие к нему стремилось к нулю.

Анлун открыл рот, чтобы возразить:

— Нет!

Сун Цинши задумался и указал на новую странность:

— Ты сейчас ведешь себя так, будто у тебя рыльце в пушку и ты хочешь посмеяться надо мной.

Анлун вспомнил свои прошлые грешки и лишился дара речи. Сун Цинши решил, что зашел в тупик. Главное не в том, что это больно, а в том, что с нелюбимым человеком это будет в тысячи раз больнее. Он решил отступить:

— Забудь. Это кажется ненадежным, я поторопился. Больше об этом не говори.

Анлун почувствовал, как кусок мяса, который он почти ухватил зубами, улетел, и уныло забился в угол.

Змей Хаолун приполз откуда-то, полностью игнорируя расстроенного хозяина, и забрался на пояс Сун Цинши, ласкаясь. Сун Цинши хотел его погладить, но, уловив духовным чутьем, что Юэ Ухуань проснулся, поспешно содрал змею, бросил ее в Анлуна и помчался обратно.

Хаолун, проиграв в борьбе за внимание, оцепенел. Анлун утешительно похлопал его по голове:

— Не грусти.

...

Юэ Ухуань проснулся и некоторое время безучастно сидел на краю кровати. Дышать стало легче, но в голове по-прежнему царил хаос. Тысячи обрывков воспоминаний перемешались: реальность с ее мерзостью и иллюзия с ее счастьем... Он жаждал того человека, жаждал почти до безумия.

Дрожа, он медленно поднялся и подошел к зеркалу. Глядя на слезную родинку под глазом, он вдруг поддался странному порыву. Если бы этой родинки не было, стал бы он снова тем собой, которого любил тот человек в иллюзии?

Он оглядел комнату: все острые предметы были убраны. Тогда он разбил фарфоровую шкатулку, подобрал осколок и принялся старательно вырезать родинку под левым глазом. Рука дрожала, осколок был туповат, но это не имело значения. Он не чувствовал боли, не чувствовал теплой крови, текущей по пальцам. Глядя в зеркало, он наносил удар за ударом, пока наконец не вырезал родинку и с радостью не положил ее на ладонь...

Дверь открылась. Его юноша, озаренный ослепительным светом, появился на пороге. Юэ Ухуань с надеждой улыбнулся и послушно произнес:

— Цинши, ты вернулся?

Сун Цинши, едва открыв дверь, увидел красавца с окровавленным лицом и осколком в руке. Он чуть не упал от ужаса. Он же просто случайно коснулся этой родинки! Зачем же ее вырезать?!

Сун Цинши бросился к нему, отобрал осколок и окровавленную плоть, принявшись обрабатывать раны. Юэ Ухуань изуродовал себя, почти уничтожив половину идеального лица, но все еще улыбался Сун Цинши, нежно успокаивая:

— Не волнуйся, я в порядке.

Сун Цинши дрожащим голосом твердил:

— Да, ты в порядке, все хорошо. У тебя духовный корень древесного типа, шрамов не останется.

Он не знал, кого утешать: его или себя. Шрамы — не проблема, но дух сломлен. Что делать? Сун Цинши почувствовал, что сам близок к срыву.

— Он правда сошел с ума? — Анлун с Хаолуном украдкой заглянули в комнату. Он понял, что если не предложит что-то действительно ценное в качестве компенсации, то навсегда закроет себе путь в Долину Царя Лекарств. — Человек с таким поврежденным мозгом, что он может сделать? Какую глупость я совершил? Зачем я вообще к нему привязался?

Анлун погрузился в глубокие сомнения в собственной адекватности...

Анлун достал гу под названием «Оковы чувств». Это был один из его секретных видов, о которых Сун Цинши даже не слышал. «Оковы чувств» относились к лечебным типам, внешне напоминали крошечного шелкопряда — белого, мягкого, без челюстей и когтей. Он был довольно милым и жил за счет поглощения человеческих желаний и эмоций, работая как клапан: пользователь мог контролировать порог чувствительности, позволяя червю впитывать излишки и сохранять стабильность настроения.

Он был гораздо точнее обычных успокоительных средств Долины Царя Лекарств. Анлун поклялся предками, что «Оковы чувств» безвредны: это инертный червь, он не принимает никаких команд, кроме поглощения излишков эмоций, исходящих от хозяина.

Сун Цинши попробовал и убедился, что это действительно эффективное средство для психотерапии. Но он все больше удивлялся: конструкция червя совсем не соответствовала стилю Анлуна. Тот любил кровожадных гу, а лечебные виды использовал лишь как вспомогательные для разведки или контроля. Сам он полагался на закалку тела и готовые лекарства.

Однако «Оковы чувств» были спроектированы сложно и выращивались крайне трудно, явно рукой гения Секты Десяти Тысяч Гу. Зачем Анлуну понадобился такой лечебный червь, если ему самому он был не нужен?

Сун Цинши задал этот вопрос напрямую. Анлун долго смотрел на него, а потом улыбнулся:

— Чтобы подружиться с тобой.

Оригинал Сун Цинши терпел все проделки Анлуна и хотел дружить с ним именно из-за его гениальности в медицине и ядах. Оригинал часто разгребал за ним проблемы и лечил его, так что, возможно, это был подарок? Подозрения Сун Цинши мгновенно улетучились.

Он с бережностью отнесся к «Оковам чувств» и отправился к Юэ Ухуаню. Тот уже пришел в себя под воздействием успокоительного. Лицо его было обмотано бинтами. Раны были глубокими, но благодаря духовному корню древесного типа он восстанавливался невероятно быстро — ни один шрам не задерживался на нем надолго. Это было его удачей и источником несчастий. Иначе он давно бы изуродовал себя в поместье Цзиньфэн.

Юэ Ухуань понимал, что натворил, и терзался чувством вины. Он принес тысячу извинений и пообещал принимать лекарства. Но стоило ему заговорить, как руки начинали дрожать — он сдерживал какую-то невыносимую боль.

Старшая сестра говорила: уста мужчин — лживые демоны. Сун Цинши больше не верил ему... он предпочел поверить «Оковам чувств».

Узнав о действии червя, Юэ Ухуань принял план лечения. Через два часа после того, как «Оковы» проникли в тело, его состояние заметно улучшилось, дрожь прошла. Он коснулся сердца, приказав червю поглотить запретные желания, и его взгляд, обращенный к Сун Цинши, стал естественным.

Сун Цинши рассказал об иллюзорном черве и спросил о видениях:

— Если не хочешь, я уважаю твоё решение.

Юэ Ухуань без колебаний ответил:

— Я хочу сохранить это в тайне.

Сун Цинши достал запечатанную коробку с червем, чтобы вернуть его, но Юэ Ухуань отстранил ее:

— Оставь себе, Владыка. Я всего лишь смертный, рано или поздно уйду. Когда это случится, ты откроешь коробку и увидишь все сам.

Он решил отказаться от своих постыдных желаний, надеясь лишь, что после смерти этот человек узнает о его чувствах.

— Хорошо, — Сун Цинши никогда не боялся смерти и положил коробку в мешочек. — Я отказался от сотрудничества с Сектой Десяти Тысяч Гу. Решение было поспешным, Анлун наверняка воспользуется этим, чтобы найти меня. Его характер — сплошной хаос. Я хочу передать каналы сбыта Павильону Ночного Дождя. Е Линь жаден, но надежен и держит слово. Потеряем немного прибыли, зато обретем покой.

Он слишком устал от этого маламута.

Юэ Ухуань кивнул:

— Я во всем слушаюсь Владыку.

Сун Цинши отправился в хранилище и достал флакон бесценного эликсира из фиолетовых цветов. Это средство было невероятно полезно для закалки тела, ингредиенты давно исчезли, и оно было дороже жизни. Анлун долго пытался выпросить его, но безуспешно. Теперь, приняв «Оковы чувств», Сун Цинши решил вернуть долг.

Он с болью в сердце отдал эликсир Анлуну. Тот сразу все понял:

— Ты снова меня выгоняешь?

Сун Цинши, подавляя жалость к себе, твердо ответил:

— Я должен сосредоточиться на болезни Ухуаня, мне некогда с тобой играть.

Анлун долго смотрел на него, а потом рассмеялся, подбрасывая флакон в руке:

— Раз уж ты отдал мне такое сокровище, значит, искренен. Я принимаю.

Хаолун, почувствовав неладное, вцепился в Сун Цинши, выражая протест и нежелание уходить!

<http://bllate.org/book/22511/2377259>